

Пустая бутылка

Нехорошо, когда говорят: как депутат — так вор, как начальник — так негодяй. Может быть депутат — и не вор, начальник — и человек добрый, хотя, конечно, в наше время найти депутата не вора, начальника — порядочного, трудно, а кое-где и вообще не найти. Перестройка руководящих людей шлифует на один манер всех: лепит их по образу Горбачева...

Однако в моем поселке депутат местного совета Илья Архипыч Нефедов прозрачнее первого льда в роднике, чище голоса петуха на заре, беспокойней диктора на экране. Пройдетя по кривым улицам, посмотрит на дома, на дворы, на бани, на заборы, давай в блокнот записывать, регистрировать: у кого крыша течет, у кого калитка сломана, у кого сарай упал.

Посоветует, матерьялу достать пособит, не пособит — пообещает и на душе у крестьянина полегает. Ласку и ребенок ценит, свинья и та, почесывай ее, благодарно всхрюкивает, а наш труженик, замордованный и заброшенный, на малый сердечный зов готов бежать, обниматься и плакать, счастливый...

Вот и нагревают его, такого сентиментально-трогательного, лидеры, жулики державные, сменяющие друг друга на трибуне, как пес пса у ворот, нагревают и лают, нагревают и лают. А живем-то мы, хлеб жуем, горе мелем да водицу пьем, живем — нищие папуасы и ждем своего Миклуху Маклая: авось вздрючит и пожалеет.

А Миклухи Маклаи не торопятся к нам. Зато лидеры, хоть в глаза им плюй, лезут. Недавно даже президент Ельцин в Архангельск приехал и заявляет измученному народу: «Мы сразу слишком круто взяли, слишком круто, а теперь реформы поведем полегче, полегче, слишком круто сразу взяли!..» И это говорит президент?

Илья Архипыч не дослушал Ельцина и выключил телевизор. Горло депутату местного совета сдавила обида еще и потому, что президент произнес фразу: «А депутатский корпус мешает решить вопрос о земле, а решить, значит — я должен разогнать депутатский корпус?..» Илья Архипыч Нефедов даже сконфузился после президентского афоризма. Разогнать... корпус... должен...

И местный депутат, Илья Архипыч Нефедов, рассуждает: «Ничего ты не разгонишь — некого разгонять. Холуи. И ничего ты не должен. Должен тот, у кого есть совесть... А вы, как вошли в Россию с револьверами и судами, так и выметут вас из нее с револьверами и судами!»

Президент, а «сразу мы круто, а теперь полегче, полегче», — ведь живым людям говорит, братьям, сестрам. Кто давал ему право брать слишком круто и кто дает право брать полегче? Сам берет. Сами берут. А народ — муха: хотят — свеют, не хотят — оставят, ползай...

Илья Архипыч занедужил. Сердце, показалось ему, набухло и пробуксовывает, падая, и воздуха мало: рот разинет, а дышать неудобно, вроде рыбе, выдернутой на берег... Илья Архипыч Нефедов разных рангов знал руководителей: некоторые — сердечники, пиллюлю Архипычу предлагали, те — умирали. Некоторые — орали с трибун, под портретом Ленина, и увозили баб на партийную дачу. Некоторые — решениями, приказами, изобретательными правилами добивали сельчан и двигались в Кремль министрами, замами, помами и прочими разбойниками.

Илья Архипыч Нефедов, старейший бессменные депутат местного совета слег в постель, вникнув глубоко в архангельскую речь президента: понял — может разогнать, может — не разогнать. Новый Ленин! Горбачев разогнал депутатов — его шуганули. Скорей бы и этот разогнал... Но доконал местного депутата не президент. Доконала местного депутата, борца за справедливость, изъела — директорша продмага.

Симпатичная, с черными кудряшками за ушами. Глазки черные, плутоватые, горящие любовью. Титьки подцеплены вверх под кофточкой и ходит — повиливает, радостно ей: нет ни закона, ни штрафа, ни проверок. Хозяйка. Стоит перед ней местный депутат, старый человек, честный Илья Архипыч Нефедов, а она, Софья Григорьевна, директорша, ведро воды опрокидывает в бочку пива, на разлив торгует, зараза. Ведро опрокидывает, а Илье Архипычу мордочку строит.

Илья Архипыч Нефедов начал вербовать свидетелей из толпящихся алкоголиков, но Софья Григорьевна им ловко подмигнула и алкоголики заорали: «Депутат клязу затевает, взятку вымогает!..». Архипыч выбег из продмага, и еле, еле добрел, глотая валидол, до родной избы. Бабушка Полина Тимофеевна, супруга депутата, уложила Архипыча в кровать, сердясь: — Семьдесят лет скоро, а все ты к общественному пирогу метишь!..

В мозгу Полины Тимофеевны «общественный пирог» ассоциировался не с благами, коими местный депутат, ее муж, Илья Архипыч Нефедов, никогда, не пользовался, а с шанежкой. Шанежку покупал председатель месткома и, деля водку по пятьдесят грамм на стакан, предлагал 9 мая закусить участникам битвы за Москву.

А в деревне из участников битвы за Москву — Илья Архипыч и его двоюродный брат Саня, дед уже, хромой и слабый. Председатель месткома Гнутов Борис Николаевич гордился: — Мне президент России тезка!.. — И бутылку высасывал единолично, не считая тех грамм, плеснутых им в стаканы участникам битвы за Москву.

Гнутов Борис Николаевич — ладный, здоровенный мужик, дурачина экой: шаньгу пополам — героям войны, а водку себе. И подражает: «Мы сразу круто взяли, круто взяли, а теперь полегче, полегче поведем реформы!..». И громко: «Хе-хе!» Бурбон.

Такие шуточки окончательно добивали Архипыча и он лежал в кровати тихо и ненадоедливо, как очень умный школьник, примерный ребенок... Но ведро воды, пущенное Софьей Григорьевной в бочку пива, угнетало Архипыча. Обижало депутата и поведение директорши. Софья Григорьевна прямо ему сказала: «Ты, Архипыч, не заглядывай на меня, не суепись в моем большом продмаге, засуну тебя среди мешков — бабка Поля до скончания не найдет!»

Софья Григорьевна подскочила козочкой к депутату и в ухо проблеяла:

Много сала, много тары,

Как директор — так буржуй,

Ты катись отселя, старый

Ревизор,

советский фуй!

Архипыч проглотил четыре валидолины, покачнулся, дослушал песню Сони и, доковыляв до своей бабушки Полины, потерял сознание. Очнулся к вечеру. Тускло сияла в избе дешевая лампочка. Потрескивал бессовестный экран телевизора. А в экране — ентообразный, толстый, звероватый политкомментатор СССР поносит.

Странные мы, русские люди, далось нам за модами западными гоняться, а силёнки и богатств у нас для подобных скачек маловато: добежали до кукурузы — Хрущева уронили, совершили научно-техническую революцию — Брежнев помер, взялись дружно за перестройку — Горбачев страну продал зарубежным и нашим кооперативам. Не везет.

А запад кушает шоколад и нам, дуракам коломенским, аппетитно подмигивает, мол,

давай, давай, гонись за мною, барчуком историческим, ты, пролетарий марксистский, очумевший от соцсоревнований и догоняний меня, эксплуататора неповоротливого, частного, пахнущего не твоей комсомольской крапивной лапшой, а румяной бургерской сарделиной, подперчённой и хрустковатой.

Но и у нас в Москве имеются бизнесмены, манерами и воспитанностью не уступят западным, не осрамят Россию и не опозорят поведением и решительностью: воротилы, роскошью швыряются на тротуарах и даже в метро. Вынимает магнат из кармана широченных штанов бутылку, а лучше, банку, расписанную, запломбированную, медную, дорогую, рублей за тысячу, банку пива, немецкого или английского, не разбавленного скотскою водою, вынимает и в гудящем вагоне, мчась от остановки до остановки, сосёт. Медленно сосёт и глазом, левым или правым, косит, следит за реакцией голодных, но весьма любопытных пассажиров. Подзадоривает...

Садист, магнат русский, предприниматель, торгаш обыкновенный, освоивший деликатную школу запада: есть и пить там, где его зажиточному чреву угодно, правда, без тарелок и чарок, а ест и пьёт как бы из посуды: пакет — из пакета, бутылка — из бутылки, банка — из банки. Показывает — богат, право имеет на жратву и питьё. А приспичит — бежит за киоск. Тут его, миллиардера, и хватает за нос милиционер. Хватает и штрафует, а квитанцию у себя оставляет — круговорот капитала.

Иногда милиционер долго, долго стоит, дежурит, мечтает поймать за киоском воспитанного богача, русского магната, но попадаются ему кавказцы и кавказцы, хотя и на западный вкус перестройкой обученные, да оказывают вооруженное сопротивление, капризничают, баловни. Москва есть Москва. Бутылки, банки, ящики и корзины валяются, как в Бонне или Вашингтоне, везде: ступишь ногою — бутылка, ступишь другою — банка.

Но Москва — большая. А деревня моя, где Илья Архипыч выбран населением в депутаты, деревня — крошечная и покою нет. Пьяницы ломают по ночам заборы вдоль стежек, прошибают сапогами изгороди к сараям и грядкам, соединяя сквозными дырами участки и дворы забитых сельских тружеников, осваивают...

Как их ловить и наказывать? Лохматые и вываленные в соломе и грязи, днем они, с утра раннего и непогожего, быстро, быстро опохмелившись, гуляют, гудят, звеня стаканами, а вечером, ещё солнце не село, не остепенилось, мгновенно засыпают. Не будешь же их

беспокоить по пустякам? Милиция стремится ухватить их в момент замусоривания ими стеклом и жестью из под пива и водки, загаживая родной окрестности, но как поймать? Оберточной бумаги и разных упаковочных футлярчиков на деревне не найти — пью, не закусывая.

И получается: московские пьяницы, магнаты, сорят в столице, деревенские пьяницы, беднота, замусоривают первобытную природу. А интеллигенция и там, в Москве, и тут, в деревне, страдает. Илья Архипыч да Софья Григорьевна, да Борис Николаевич — на них и держится наша измученная деревня, наша народная бескомпромиссная власть.

Мы же милиционеру, при операциях над ворьём, помочь боимся. Страх нас тормозит. А при безобразиях в метро или в сельской больнице — корим руководителей района, области, государства. Президент виноват, а мы — ангелы? Кавказцы нас монголизируют, а председатель месткома должен один на один с ними сражаться и собой рисковать?

Россия, моя Россия, сколько же стервцов ныне плюет и харкает в твоё материнское лицо? Сколько же негодяев и хамов попирает твои правила и заветы? Под западную линию, как под скотский навес, теснят и теснят нас, гонят и гонят, русских, гонят и возмущаются, если мы оглянемся или замешкаемся.

Илья Архипыч такой честный депутат, такой честный народный инспектор, что ему порою кажется: за ним уже никого нет, кто бы защитил справедливость на деревне, за ним одни монголы. И первый среди монголов — Борис Николаевич. Усадьба председателя — несколько усадеб и огородов, сжатых вместе. Изба вымрет — он её приватизирует, вымрет — он её приватизирует. Удав.

А дом у Бориса Николаевича разросся, был деревянный, потом деревянно-кирпичный, а сейчас — каменный. Большой, широкооконный, за кирпичной стеною, высокой и монолитной, с воротами, на крылья огромные похожими, из нержавеющей стали, крашенной охрой: золотятся и гостей в дом зовут. А гости — в «мерседесах» и «тойотах», сильные, крапиволюбивые, едят и пьют и пообъемнее и потяжелее щёголей и алкашей, настоящие магнаты, а не худосочные модники. Землю приобретать спешит. И председатель, как на дрожжах, поднимается, богатея.

В дни их увеселения в доме Бориса Николаевича, председателя месткома, Софья Григорьевна на «рафике», на «рафике» снесь и зелие из своего магазина, туда, туда в золотые ворота, в золотые ворота, отправляет в орду и отправляет. Прорва, а не ворота. Илья Архипыч заглядывает, раз десять снуя мимо дома, заглядывает, а какие меры он способен принять?

Новый класс возникает!.. Класс предпринимателей и банкиров. Пусть кто-то шикует в метро, сося из банки неразбавленное пиво. Пусть кто-то возле магазина Софьи Григорьевны напьется водянистого пива и пусть вздремнет у низкого порожка, сиротливо и виновато. Пусть. Но возникает новый коньячно-долларовый класс, заменяя пиво-рублевый класс рабочих и класс крестьян. Россия — классовая угодница. Один её класс сокрушает другой её класс, а, глядь, возникает между классовыми драками третий класс, да ещё хамовитее и убежденнее прежних: пьёт и швыряет бутылки в морду прохожим, вот как!.. Илья Архипыч, ветеран и фронтовик. Его не объегорить. Он депутат, но чует — конец. Чует — хана депутатам, народная власть накренилась и её тут же выпили, выглотали вагонные магнаты и околомагазинные алкоголики, а суперменам она не пригодилась вовсе... Илья Архипыч понимает трагедию и Софья Григорьевна понимает и, разжижая пиво сарайною водою, фыркает на депутата.

Кто сегодня прошлое вспоминает? Сегодня все и даже мы, в нашей деревне Абалкине, в грядущее устремлены. Деревня Абалкино в Подмосковье старинная, и не в честь академика-перестройщика, соратника Гобачёва и Ельцина, названа, а был Абалкин, генерал. В турецкую войну Пашу пленил. С той поры как чуть, так в Подмосковье азербайджанские паши-спекулянты появляются... Запрета на них ждём, да не дождёмся.

Сегодняшний Абалкин, пусть, скажем, и Абалкин, да толку от него не замечено в наших краях. А и Яковлевка, деревня, в Подмосковье имеется, да не в имя подвигов Александра Николаевича Яковлева сотворена, политбюровца, цэрэушного ленинца и секретаря ЦК КПСС. Окает, волгарь бердичевский и академик, деятель, окая и больному, лежачему, с буксующим сердцем Архипычу, внушает из Кремля: «Мы дали демократию. Свободу дали. Но мышление-то у народа — тоталитарное? Но принципы проявлять, способность в планах и делах у людей, имею в виду руководителей и депутатов, авторитарные и тоталитарные?..» Пень, осьминог, затыкая под веки свинцовые пульки, вбуравленные вместо глаз, шевелил неопрятным ртом: «Тоталитаризация, авторитаризация, милитаризация, узурпация и ваучеризация!..». Бидон с разжиженным пивом.

— Выключи! — скомандовал Илья Архипыч супруге. А сам начал гадать: «Кто этот Фрейд?.. Александр Яковлевич? Николай Александрович? Яков Николаевич?» Забыл. Помнит Илья Архипыч, что Фрейд все время волочился по должностям за Горбачевым и пропадал, когда тому били по рыльцу. Тот смывался — Фрейд смывался. Второй, стало быть, по величине и безголовому влиянию, Фрейд.

Так о родном народе: «мышление тоталитарное, авторитарное», «дали демократию, дали свободу?..». А кто ты, кто? Почему ты, обвешанный званиями и чинами, не предусмотрел, не предостерег, почему?

Илья Архипыч где-то слышал: Фрейд занимался пакостями в императрицыных постелях, а Фрейд Александр Николаевич занимается пакостями на верхних этажах власти. Импотент одиозный. И не арестовывают развратника...

Люди, деревенские, наивны и простодушны. Стучатся в избу к Архипычу, без стука заходят, жалуются и обижаются на директоршу продмага, Софью Григорьевну. Дескать, не завозит хлеба по неделям, сахар не отпускает, а грузит на военный автомобиль и отправляет в Молдавию и Аргентину.

Там виноградники вырубili, а выпить, как нам, хочется... Писали в райисполком, в обlisполком, в Верховный Совет на Софью Григорьевну коллективно, но она еще ужесточила ситуацию и пригрозила: «Я вас приморю сухомяткой, люмпены!..»

На «люмпены» больше других оскорбились почтальонши, пожилые дамы, кто-то, какой-то босяк, Фрейд провинциальный, сообщил им: «Люмпены — проститутки, страдающие недоеданием и бессонницей!..» Почтальонши ответили короткой забастовкой, а тайно решили поколотить Софью Григорьевну и принялись ее караулить по очереди. Но поймать директоршу сложно. Усекла — и катается в продмаг и далее из продмага на заказанном такси. И шофер — дуб, фрейдовый горилла.

Депутат местного совета Илья Архипыч Нефедов, едва опершись на ноги, худой и нервный, твердо решил поведать о надвигающейся драме Борису Николаевичу Гнутову, председателю месткома, тезке президента России. Покачиваясь, как от водки, от озноба и немощи, Архипыч пораньше добрался до кабинета околичного вождя:

— Побьют ее женщины, Борис Николаич, побьют! Прими строгие меры...

— За ведро воды?..

— За мошенничество, обман, хамство, побьют, позора не оберемся!

Борис Николаевич Гнутов глубоко задумался и набрал номер телефона:

— Сейчас ответит Софья Григорьевна, ты, Архипыч, от имени народа, от депутатского корпуса, от моей власти, выдай ей, выдай и сурово предупреди, пусть она не завирается, кружка водянистая!..

Возбужденный Архипыч схватил трубку. И обрушился полномочно на знакомый голос Софьи Григорьевны: — Тут рядом Борис Николаевич, Борис Николаевич, он вам, я вам скажу, хватит издеваться над трудящимися, над инвалидами, над...

И поперхнулся: — Росомаха колымская!.. А в трубке визгливо и задористо хохотала директорша. Софья Григорьевна обычно так хохотала, захлебывая и укрощая веселостью внезапную злобу в собственном крепком организме: — Борис Николаич?.. Не Ельцин ли рядом с тобою, мой мягкий и хмельной куй?.. Ты, и я докажу, свидетели зарегистрированы, блудишь с почтарьками в рабочее время, понял, мякий куй?..» Но «куй» она произнесла, издевательски смакуя. И, визжа, захохотала: «Мы тебя, сексуальный маньяк, на магнитофон взяли!»

Архипыча проколола насквозь дикая неизвестная энергия, ударила и, замутив разум,

уронила на пол. Ковырнулся навзничь депутат местного совета и уже не вскочил. Сознание мгновенно покинуло его, а сердце, долго буксовавшее на заботах о человеке и на людских преступлениях, замолкло.

Схоронили Архипыча без помпы и оркестра. Председателя месткома в этот траурный день вызвали в центр. Несли гроб своего депутата люмпены-почтальонши да за ними скрипел протезом двоюродный брат Архипыча, инвалид, участник битвы за Москву. Бабушка, вдова депутата, Полина Тимофеевна сиротливо плакала, траурно шагая за красным гробом.

День играл солнцем. Зеленела майская трава. Земля слегка подогрелась и на кладбище хлюпала и сочилась глина, примаемая обувью. В дряхлых курятниках осатанело кукарекали петухи. Белокрылая «Волга», такси, уносилась в центр, вея пряными запахами закусок и звякая тяжелыми спиртными бутылками. В центр, где открывалась важное совещание.

Шофер, фрейдовский горилла, ценил дорогу через поле. Газанешь и машина, как птица, летит, не задевая асфальта, летит, а навстречу — солнце, нежное, тёплое, вечное солнце!.. Софье Григорьевне нравился Борис Николаевич с детства. Она — первоклашка, а он — комсомолией в посёлке распорядился, штангу подкидывал на праздниках во Дворце культуры и на турнике номера упражнял.

А когда Соня училась в торговом техникуме, Борис Николаевич лично, но уже как партийный секретарь, курировал их. Однажды, выступая перед молоденькими продавщицами, приблизился к Соне, в перерыве, и легонько, легонько потербил её за робкую ресничку. Соня похудела, а Борис Николаевич зачастил на совещания их треста. Социолог...

Теперь Соня — Софья Григорьевна, директор продмага, а Борис Николаевич — председатель месткома, главный, считай, администратор, и лишь Архипыч по-прежнему, инвалид и участник Отечественной войны. Не растёт. И вот — умер. С чего бы?

Кому нужна нищета? После совещания демократов Софья Григорьевна и Борис Николаевич долго купались в бассейне и забавно хлестались вениками в парной. Баню

приватизировал их верный кунак, Сулем, советник при Борисе Николаевиче по выращиванию в Подмоскowie азербайджанских бобов.

Соня обожала в Боре мужчину: «Я твоя плотвичка!» — шептала она. «Рыбка золотая!» — гудел он. Мускулистый, твёрдый, храбрый — тарзан и тарзан, но с высшим образованием и старше Сони на двадцать лет. Интеллектуальный: литр выпьет — как трезвый. Вот вам и европейский хвалёный Фрейд!..

Софье Григорьевне приятно чувствовать: Борис Николаевич жадно хватает её, словно охапку серебристого снега или букет оранжевых полевых ромашек, и приторачивает к груди, ой, не оторваться, притискивает!.. А Сулема, Сулема Пашу, турецкого азербайджанца, Боря укрощает: «Хочешь, озеро и острова за озером приватизирую тебе, Сулька? Я ведь на штанге и на турнике, я ведь и по башкам лупил, как мячиком!..»

В портфеле Борис Николаевич годы и годы бережёт книгу, толстую и философскую «Бокс и здоровье», начитанный. Даст в морду — сломаешься. Природу осязает глубоко — Фрейд. Раздевает Соню и сам раздевается до родинки на животе, у костра.

Нападает на Соню и прячется, нападает и прячется: в Африке вроде бы находится, и Соню страшит: «Убь-бью и скушаю!..» Мальчишка и мальчишка, неутомимый баламут. Соне за тридцать, не с ним она — девчонка глупенькая: расстанутся, она в горенке своей косички расчешет и ленточку-бантик вплетет, наивней пионерки.

Соня хулиганка: раздражает Бориса, не допуская, пока тот не начнет рычать и трясти сучковатые сосны, кидая в нее закаменелыми шишками. Ирония и утонченность соединились в нем и в ней, ликующей красавице.

Борис Николаевич, раздумывая о глубокой роли женщины в нашем новом демократическом и цивилизованном обществе, искренне радуется интимному отклику спутницы.

А жена — не подруга. Жена родила Борису Николаевичу четырех ребятшек

несдержанная, а по нему не заметно — холостяцкая марксистская шея. Обнимет Соня, а он: «Вызывай «такси» и в тайгу катанём!..» Усталые, подградусные и сладкорастерзанные, сегодня они в полночь забрели на кладбище.

Луна высокая.

Свежесть весенняя.

Облака чутко спешат по небу.

И — могилка: Илья Архипыч лежит.

И березки рядышком. Трепещут, взволнованные. О чём?..

Присели на соседнюю скамеечку. Помолчали. Даже вздохнули, не сговариваясь, вместе. Чарочки Соня достала. Не чокаясь, выпили. Эх!.. Борис Николаевич поцеловал Соню, прижал её до спазмы в горле у обоих, а позже закупорил почти полную бутылку вина туго-натуго и в землю, в сырую глину, на бугорочке Ильи Архипыча и вдавил: «Мир праху твоему!..»

Софья Григорьевна с тех пор мучается. Уснёт, а бутылка завывает, жалобно постанывает. Кто же раскупорил её, неужели пустая? Пришли они и ушли, а кто-то раскупорил. Соня и помянула Архипыча, и свечку в церкви поставила, а пустая бутылка воеет и воеет, воеет и воеет, как быть?..

